

МАС Т ЕРА
ОС РОСЮЖЕТНОГО
ДЕ ЕКТИВА

ЭД МАКБЕЙН

**ДЕТИ
ДЖУНГЛЕЙ**

Эд Макбейн
Козел отпущения
Серия «Дети джунглей»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=149146

Аннотация

С присущей ему точностью наблюдений автор исследует криминальную среду как специфический срез современного американского общества. Сборник рассказов `Дети джунглей` посвящен подросткам, проводящим время на улицах Нью – Йорка. Наркотики, грабежи и убийства – неотъемлемая часть опасной жизни...

КОЗЕЛ ОТПУЩЕНИЯ

ЭД МАКБЕЙН

Как нашли девочку, я узнал позднее.

Ей было всего восемнадцать, этой привлекательной блондинке, неспешно созревающей в женщину. Ее тело носило следы физического насилия, одежда порвана, а на лице застыло выражение ужаса от бесполезного сопротивления, а руки, когда ее застала смерть, были все еще сжаты, словно в испуге.

Патрульные, которые обнаружили тело, стояли в темноте тихой улочки, а беспокойные вспышки их фонариков высвечивали синяки на горле и ужас, застывший в безжизненных глазах. Беспощадный свет фонарных лучей обнажал ее молодость, нарушал ее юное уединение, как бывает, когда в него вторгается внезапная, неожиданная смерть.

Один из патрульных покачал головой и сказал:

– Ох уж эти подростки!

Другой ругнулся про себя, а потом сообщил по радио об обнаружении трупа шерифу.

Я узнал эти факты позднее, когда готовил свой отчет. Вначале я только почувствовал тихую панику в голосе Марсии, когда она мне позвонила. Помню, услышал, что зазвонил телефон, а потом Энн толкнула меня в бок и сказала:

– Лучше возьми трубку, милый.

Я спустил ноги с кровати, включил лампу на прикроватном столике. Часы показывали половину третьего ночи.

– Какого черта?! – буркнул я, обращаясь к Энн.

– Ответь, – посоветовала она. – Это лучший способ узнать.

Я с иронией буркнул что-то насчет шутников, которые любят звонить по ночам, но потом все-таки прошел в коридор мимо двери в комнату моей дочери Бэт. Я спустился по лестнице вниз, а телефон все еще звонил. Как только я подошел к аппарату, тут же схватил трубку.

– Алло! – сказал я, вероятно, слишком недовольно.

– Дейв? – спросил женский голос, торопливо и почти в отчаянии.

– Да, – подтвердил я. – А кто это?

– Марсия. Дейв, Харли в беде. Я еще не совсем проснулся.

– Кто? – не понял я.

– Харли, мой муж, – повторила она. – Полиция..., наша нянька...

– Подожди, Марсия. Какая еще беда?

– Они говорят..., говорят, что он убил нашу няньку. Дейв...

– Что?!

– Да, да, Дейв. Его забрали. Он попросил меня позвонить тебе. Он...

– И куда его забрали?

– В управление шерифа, Дейв. С ума можно сойти! Он...

он не мог сделать такого, Дейв! Ты же знаешь! Он...

– Конечно знаю. – Теперь я проснулся полностью. – Я сейчас отправлюсь туда, Марсия. Не беспокойся. Только оденусь и сразу же поеду.

– Спасибо, Дейв. Большое спасибо.

– Мне нужно торопиться. Я позвоню тебе потом.

– Хорошо, Дейв. Спасибо.

Я повесил трубку, поднялся по лестнице и начал одеваться. Энн села в кровати и спросила:

– Куда ты?

– В управление шерифа. Туда забрали Харли. Обвиняют в убийстве их няньки.

– Что за чушь! – возмутилась Энн.

– Знаю. Но похоже, дело серьезное.

– Господи помилуй!

Я закончил одеваться, потом припудрил щетину, которая к половине третьего ночи уже появилась у меня на подбородке. Вернувшись в спальню, поцеловал Энн и сказал:

– Я ненадолго, милая.

– Хорошо, – ответила Энн, – будь осторожен.

Я вышел в коридор и открыл дверь в комнату Бэт. Ей было шестнадцать, но она до сих пор каждую ночь скидывала с себя одеяло и простыню. Я вошел на цыпочках, накрыл ее, потом легонько чмокнул в щечку, как делал с самого ее рождения. Потом вышел и вывел машину из гаража.

Когда я приехал в управление, шериф собственной персоной поздоровался со мной. Он сказал, что Харли не разрешается видеться с кем бы то ни было, но я заявил, что я его адвокат, и он разрешил мне переговорить с ним, но недолго. Он провел меня в заднюю часть здания, отпер зарешеченную дверь, ведущую к камерам, а потом проводил до камеры Харли.

Харли не проронил ни слова, пока шериф не ушел. Потом он подошел ко мне и крепко сжал мне руку.

– Дейв, слава Богу, ты здесь! – сказал он.

Харли был худым мужчиной с седеющими висками. Глаза у него серые, губы тонкие, скулы высокие. Я подумал, что знаю его уже больше трех лет.

– В чем дело? – спросил я и предложил ему сигарету, которую он благодарно принял и жадно закурил. Он выдохнул облачко дыма и сказал:

– Дейв, они пытаются сделать меня козлом отпущения.

– Как это?

Он снова затаился.

– Да девчонка, которую нашли сегодня ночью! Наверное, на них поднажали откуда-то сверху, а теперь они пытаются повесить это дело на самого подходящего козла отпущения. Так получилось, что им оказался я.

– Ладно, выкладывай все по порядку с самого начала. Харли кивнул:

– Конечно. Конечно.

Он сделал глубокий вдох, словно уже неоднократно рассказывал свою историю.

– Сегодня вечером мы с Марсией решили выйти в общество. Ничего особенного. Посмотреть фильм и пропустить пару стаканчиков после. Точнее, мы с ней выпили по три martini.

– Ладно, продолжай.

– Мы вернулись домой около полуночи. Девочка, которая сидела с нашими детьми, – Шейла Кейн. Мы ее всегда нанимаем, милая малышка. Она спала на кушетке, когда мы пришли. Марсия разбудила ее, я ей заплатил, а потом посадил в свою машину. Она живет на другом конце города, Дейв. Я всегда отвожу ее.

– Дальше.

– Я привез ее прямо домой. Высадил у дома и уехал. Заглянул в бар, чтобы купить пачку сигарет. Потом вернулся к себе. Он замолчал и сделал глубокую затяжку.

– Час спустя копы уже стучат в дверь моего дома. Говорят, что девочка была изнасилована и задушена. Ее родители сказали, что она оставалась с нашими детьми.

– Не понял, – сказал я. – Почему они связали ее убийство с тобой?

– Моя зажигалка. Они нашли ее рядом с трупом. Я при-

стально посмотрел на Харли.

– И как это получилось? – спросил я.

– Малышка курила, – ответил он, устало пожав плечами. – Черт, Дейв, ей было уже восемнадцать! Она хотела закурить в машине, когда я вез ее домой. Я дал ей свою зажигалку. Она просто забыла мне ее вернуть.

– А в том баре, куда ты зашел потом за сигаретами, тебя кто-нибудь видел?

– Не думаю. В этом заведении обычно идет шоу в маленьком зале. Оно было в разгаре, когда я вошел. Никто не обращал внимания ни на входящих, ни на выходящих. Я купил сигареты в автомате прямо у двери и ушел.

– Когда ты отвозил девочку домой, ты не подождал, пока она войдет в дом? – спросил я.

Харли дымил сигаретой, пытаясь вспомнить.

– Нет, – сказал он наконец.

– А обычно ждал?

– Иногда ждал, иногда нет. Я устал, Дейв. Мне хотелось быстрее попасть домой. Черт, кто знал, что с ней такое произойдет?

– Где обнаружили труп?

– На темной улочке за несколько кварталов от ее дома. Думают, что ее выбросили из машины.

– А твоя зажигалка?

– Лежала рядом с ней на дороге. Они говорят, что я обронил ее, когда выбрасывал девочку из машины. Боже правый!

Дейв, разве ты не видишь, что они пытаются повесить это на меня?

– Похоже, – сказал я. – Хотелось бы мне, чтобы кто-нибудь видел тебя в том баре!

– Да Бог с ним, с баром! Я отсутствовал не более пятнадцати минут. Пять минут на то, чтобы довезти девочку до дома, пять минут на обратный путь. Господи Боже мой! Дейв, я не успел бы сделать этого, если даже захотел!

– А кто-нибудь, кроме Марсии, знает, что ты отсутствовал не более пятнадцати минут?

Харли отрицательно замотал головой.

– Даже она не знает этого, Дейв. Она уже спала, когда я вернулся домой. Черт побери, что за чушь!

– Тебя арестовали по подозрению в убийстве?

– Да, – с отчаянием сказал Харли. – Я – их козел отпущения.

– Не волнуйся, – успокоил его я. – Может, мы сумеем выпутаться.

Это было одно из самых трудных судебных разбирательств, в котором я выступал защитником. Окружной прокурор устроил все так, что суд присяжных состоял в основном из женщин. Никого женщины не ненавидят и не презирают сильнее, чем насильника. Итак, мне для начала было

уготовлено бороться с девятью дамами. В жюри было всего лишь трое мужчин.

Разбирательство шло пять дней, окружной прокурор регистрировал все в своей книге. Он выстраивал косвенные доказательства и делал это так умело, что каждый член суда присяжных мог бы поклясться, что собственными глазами видел изнасилование и убийство.

Когда Харли привели на место для дачи показаний, он поведал ту же историю, что рассказывал мне. Он говорил просто и ясно, а жюри присяжных и собравшиеся зрители слушали его в полном молчании. Тогда я начал задавать ему вопросы.

– Сколько вам лет, мистер Пирс?

– Сорок два, – ответил Харли.

– Вы женаты?

– Да.

– У вас есть дети?

– Да.

– Сколько, мистер Пирс?

– Двое. Мальчик и девочка.

– Сколько им лет?

– Мальчику семь. Девочке пять.

– Вы нанимали покойную Шейлу Кейн посидеть с детьми, пока вы с миссис Пирс проводили вечер вне дома?

– Да.

– Вы всегда так поступали?

– Да.

– Сколько раз вы нанимали мисс Кейн до ночи ее смерти?

– Мы пользовались ее услугами почти год.

– И с ней ничего не случилось до той самой ночи? Ничего, что могло бы...

– Возражаю! – рявкнул окружной прокурор. – Защитник пытается подсказать....

– Принято! – устало сказал судья.

– Вы не могли бы описать внешность мисс Кейн? Харли заколебался.

– Я... Ну, она была блондинкой.

– Да?

– С голубыми глазами, я думаю. Я точно не помню.

– Высокая или маленькая?

– Среднего роста, я полагаю.

– Она носила очки?

– Нет. Никаких очков не было.

– Какой у нее был адрес?

– Я не знаю. Ездил по памяти, наверное. Она в первый раз мне показала, где живет, а потом я возил ее туда просто по памяти.

– Вы называли ее Шейлой, мистер Пирс?

– Да, конечно.

– А как она вас называла?

– Мистером Пирсом.

– Спасибо. Это все.

Окружной прокурор вытаращил на меня глаза, а потом пожал плечами. Полагаю, он не понимал, что я пытаюсь делать. Было ясно, что до него никак не доходит. Я же просто-напросто пытался показать, что у Харли Пирса вождедения и в мыслях не было. Он даже не мог как следует описать убитую. Он даже не знал ее адреса. Они поддерживали обычные отношения взрослого и подростка. Шейла и мистер Пирс.

Окружной прокурор вызвал следующего свидетеля – бармена из бара “Фламинго”, куда Пирс заезжал, чтобы купить сигарет. Бармен показал, что не спускал глаз с двери, пока шло шоу. Ему известно множество баров, которые открыты во время представления, когда никто не обращает никакого внимания ни на стойку, ни на кассовый аппарат. Поэтому он всегда следит за дверью, но той ночью не заметил ни одного входящего. Он не видел, когда вошел Харли Пирс. Окружной прокурор улыбнулся и передал свидетеля мне.

– Когда начинается шоу во “Фламинго”? – спросил я.

– Без десяти двенадцать, сэр, – ответил бармен.

– Вам приходится подавать много напитков у стойки, пока идет шоу?

– Нет, сэр. Большинство посетителей сидят за своими столиками и смотрят шоу.

– Следует понимать, что вы неотрывно следили за входной дверью все это время? Я хочу сказать, ведь вы не подавали напитки.

– Возражаю, – сказал окружной прокурор, вставая.

– Не принимается, – сказал судья. – Продолжайте.

– Вы были заняты именно этим во время представления? – повторил я.

– Ну..., думаю, я тоже смотрел шоу. То есть я хочу сказать, время от времени. Но по большей части я следил за дверью. Много грабителей...

– А за автоматом с сигаретами вы тоже следили?

– Да нет, сэр.

– Тогда не исключена возможность, что кто-то вошел, остановился у автомата и ушел, пока вы время от времени смотрели шоу, не так ли?

– Ну...

– Вы видели меня у стойки бара той ночью? Бармен часто заморгал:

– Вас, сэр?

– Да, меня. Стоящего рядом с блондинкой в норковом пальтине. Я пил виски со льдом в высоком стакане, когда началось шоу. Вы меня видели?

– Я..., я не помню, сэр. Я хочу сказать...

– Но я же был там! Вы меня видели?

– Возражаю! – сказал окружной прокурор. – Защитник хочет запутать свидетеля...

– Так вы видели меня или нет?

– Рядом..., рядом с блондинкой, сэр?

– Да, рядом с блондинкой. Так вы видели меня или нет?

– Ну, блондинка там была, и если вы говорите, что стояли рядом с ней... То есть я хочу сказать, я не помню, но...

– Так, значит, вы меня видели?

– Я.., я не помню, сэр.

– Меня там не было! Но если вы не можете вспомнить, был я там или нет, как вы можете утверждать, приходил мистер Пирс за пачкой сигарет или нет, в особенности когда – по вашему собственному признанию – вы все это время смотрели шоу?

– Я...

– У меня, больше нет вопросов, – сказал я.

Я услышал шепоток в зале и понял, что это сработало. Я нанес удар показаниям свидетелей окружного прокурора, и жюри присяжных теперь сомневается. Если окружной прокурор ошибся, не исключено, что он ошибается и в большем. Разве не мог Харли дать девушке свою зажигалку? Разве его рассказ не может быть правдивым от начала и до конца? В конце концов, ведь доказательства окружной прокурор строит на косвенных уликах.

Я вставил все это в свое заключительное слово. Я изобразил Харли честным жителем города, человеком таким же, как я и все остальные, любящим мужем и примерным отцом. Человеком, который нанял девочку посидеть с детьми, ту самую, которую нанимал весь год, и тихо-мирно пошел в кино, пропустил стаканчик с женой, а потом вернулся домой. Он отвез девочку к ее дому, высадил у дверей, а потом вернулся

к своей жене. Какой-то неизвестный напал на девушку, когда он уехал. Но это был не Харли. Только не этот человек, сидящий здесь, говорил я им, только не человек, который мог бы быть вам братом или мужем, только не он.

Жюри заседало полчаса. Когда присяжные вернулись, то их вердикт был: “Невиновен”.

Мы отпраздновали это в тот же вечер. Харли и Марсия пришли к нам, а с детьми согласилась посидеть его теща. Мы смеялись, пили, а Харли не переставал повторять:

– Им нужен был козел отпущения, Дейв. Но ты им показал! Знает Бог, ты показал им, что нельзя так шутить с невиновным человеком!

Он говорил мне, что я, черт побери, самый лучший адвокат в мире, а потом начал петь песни, а мы все подхватили за ним, а потом снова пили. Вечеринка была в самом разгаре, когда вдруг в комнату вошла Бэт.

У нее было свидание с одним мальчиком, живущим по соседству. Он довез ее до парадной двери, и она вошла в гостиную. Она поздоровалась с Марсией и Харли, когда мы перестали петь, а потом извинилась и стала подниматься по лестнице к себе в комнату.

– Сколько ей теперь, Дейв? – спросил Харли.

– Шестнадцать, – ответил я.

– Милая девочка, – сказал он очень тихо.

Я наблюдал, как Бэт поднималась по лестнице, и наблюдал с гордостью. Она оставалась моей маленькой девочкой, но быстро превращалась в женщину. Она поднималась по ступеням уверенно, быстро, так, как умеют подниматься молодые грациозные девушки, и тут я перевел взгляд на Харли.

Он тоже смотрел на Бэт. Он смотрел на ее ноги, когда она все выше и выше поднималась по лестнице, потом окинул взглядом все ее молодое тело, медленно, методически.

Он не сводил с нее глаз до тех пор, пока она не открыла дверь своей комнаты и не исчезла из виду. А потом он сказал:

– Что еще споем, ребята?

Я посмотрел на Харли, а потом на пустую лестницу и неожиданно почувствовал себя очень глупо. Я почувствовал себя глупцом, наивным глупцом. Наивным и одураченным. Я почувствовал себя тем козлом отпущения, о котором говорил Харли.

И к следующей песне я не присоединился.